

если языческий храм как выражение материальных форм культуры был разрушен, «славянский бог» (т.е. вера, религия) продолжает существовать скрыто, невидимо для постороннего глаза, как долгое время после завершения колонизации и официальной христианизации славянских земель за Эльбой в XI–XII вв. продолжала существовать вендская культура в немецкой среде. Неосознанное признание сохранения славянополабской этнической общности в немецкоязычной среде метафорически отражается в фольклоре в образе видений, теней и призраков, звона колоколов в определенные дни года, что не позволяет местным жителям забыть о некогда существовавшей культуре.

Легенды о вендах и особенности их ономастики (легенды о славянских сокровищах)

Еще одна разновидность памятников устной истории, сохранивших память о славянском прошлом земель Передней Померании и Мекленбурга, — это легенды и предания о кладях.

Составные части композиции легенд и преданий о кладях одинаковы и повторяются с небольшими вариациями для разных сюжетов. В начале вводится датировка события. Она типична для жанра преданий и в оригинале выглядит следующим образом: «vor undenklichen Zeiten» (в незапамятные времена), «vor vielen, vielen Jahren» (много-много лет назад), «vor vielen tausend Jahren» (много тысяч лет назад) [Lehmann, 1998: 30–32], «zu den Zeiten, als die Wenden noch in Mecklenburg hausten» (в те времена, когда в Мекленбурге еще жили венды) [Niederhuffer, 1998: № 135], «Das war nach der Franzosenzeit» (это было после французов; [т.е. после войны с наполеоновской Францией. — Ю. И. Б.], «in uralter Zeit» (в стародавнее время) [Neumann, 1998, SaM: 242, № 241].

Далее следует локализация объекта, в котором сокрыт клад и вокруг которого разворачивается действие. Как правило, это остатки крепостных валов, замки, насыпи и холмы, расположенные вблизи древних городов: «Там, где еще виден крепостной вал Гарца, стоял раньше языческий замок. Его завоевали и разрушили датчане»; «К югу от города Гарц расположены остатки старого крепостного вала. В нем в незапамятные времена была пещера...» [Lehmann, 1998: 30–31]; «на этой стороне, между рощей Прильвицкие Ели и прудом Бланкенбургстайх находится маленький холм, в нем был зарыт ящик с деньгами» [Neumann, 1998: SaM, № 248].

Затем идет описание сокровищ, их истории и хранителей. История сокровищ излагается в сказочной форме с элементами вымысла в повествовании: «Тогда жил один старый король, который построил под землей зал из мрамора и хрустала. Сотни лет он охранял здесь свое золото, и после смерти за свою жадность король был превращен в тощую черную собаку, которая сидела и чахла над сокровищами» [Lehmann, 1998: 30]. Или может иметь характер реального исторического события: «Когда отступали венды, потесненные ордами саксов, захватили они с собой и золотой идол Радегаста, но не смогли далеко уйти с ним, и вот схоронили они свое сокровище до лучших времен в болоте, но золотая статуя так там и осталась» [Niederhuffer, 1998: № 135].

В судьбе клада обычно предполагается участие героя, который предпринимает попытку добыть его или находит случайно, — назовем его искатель сокровищ (Schatzgräber). Этим героем может быть случайный путешественник, ищущий приключения смельчак, крестьянин, которому открылась тайна клада, девушка и т.д.: «Однажды в пещеру проник какой-то смельчак. Перехитрив бросившегося за ним ужасного черного пса, он овладел золотым кубком и спасся из пещеры» [Lehmann, 1998: 31]. Клад случайно может достаться человеку, который не ведает об этом: «Возвращался однажды под хмельком поздним вечером крестьянин из Пенцлина к себе в Лапитц да и промахнулся мимо верной дороги и оказался в Грапенвердере. Тут горел костер, и возле него сидели двое, и крестьянин подумал, что сможет раскурить углями свою трубку. Но угли, хоть и пылали, оказались странными — не разжигалась трубка. Тогда один из сидевших кивнул крестьянину, чтобы тот раскрыл свою торбу, — и накидал в нее пылающих углей, которые тут же погасли. Когда же он высыпал их дома из торбы, они оказались сверкающими золотыми слитками» [Neumann, 1998: SaM, № 243].

Отправляясь за кладом намеренно, герой должен выполнить ряд условий и соблюсти табу. К ним относятся особые характеристики героя: невинность, принадлежность знатному роду и т.д.; требование совершать все действия молча, запрет оглядываться, идя обратно, что бы ни случилось и что бы ни увидел герой на своем пути; возможность добычи клада только в определенное время суток, в определенный день года. Как правило, время нахождения кладов в легендах — Иванова ночь. Северонемецкие легенды не являются здесь исключением. Герой может добыть клад «только между двенадцатью и часом ночи, если он будет один и войдет на крепостную гору голым, пятясь, тогда ему откроются двери и лестницы в подвал, и он сможет набрать столько золота, сколько можно унести» [Rygen, 1998: 38]. При этом ге-

рой нарушает запреты из-за страха и теряет клад. В легенде «Принцесса Сванвите» девушка не смогла выбраться наружу и лишилась клада, нарушив запрет молчания: «И вот уже выход виднелся, и занималась заря, и был слышен первый петушинный крик, который прославлял новый день, и тут ей вдруг стало страшно, что слуги не поспевают за ней, и она оглянулась. Что же она увидела? Серый человечек превратился в огромного черного пса и бросился на нее с горящей пастью и сверкающими огнем глазами. Она так испугалась, что у нее вырвалось: «О, Господи!», — и тут же дверь над ней захлопнулась, лестница исчезла, пропали слуги, и погас свет в зале, она была снова под землей и не могла выбраться наверх» [Рьген, 1998: 41].

Ненайденные или добытые клады вместе с пропавшими людьми продолжают напоминать о себе. Такое напоминание проявляется в определенные дни года в виде звуков, видений и т.п.: «Каждый год в Пасху принцесса выходит утром из недр замковой горы, и тогда ее можно видеть сидящей на крепостном вале» [Рьген, 1998: 30]; «в Иванов день колокола поднимаются из глубин земных наверх и лежат, открытые взорам, на берегу, только людям они кажутся просто камнями» [Neumann, 1998: SaM, № 6].

Предания о славянских кладах. Многие истории о кладах не содержат вымышленных элементов в ткани повествования, т.е. являются, по сути, преданиями. Рассмотрим некоторые из них более подробно. На севере современной деревни Дорф Мекленбург в Мекленбурге находятся остатки славянского крепостного вала округлой формы. Именно здесь располагалось городище племенного короля ободритов Вилиград-Михеленбург-Магнополис-Рерик — крупный город, столица ободритского племенного союза, игравшая важную роль в экономическом и культурном развитии славянских земель на Эльбе во второй половине VIII — начале IX в. Ныне в центре крепостного вала расположено кладбище. О крепостном вале рассказывают следующее: «В недрах этого вала до сих пор хранится золотая колыбель, а в заболоченных лугах неподалеку лежит затонувший в стародавние времена медный мост. Там находят много древних черепков, а еще до сих пор показывают, где раньше был колодец этой старой вендской крепости, обеспечивавший водой весь большой город. От него осталось нынче только одна небольшая ямка...» [курсив наш. — Ю. И.-Б.] [Neumann, 1998: SaM, № 11].

Обратимся к другому преданию из Мекленбурга: «Среди вендов царил траур, когда умер последний король. Они собрали свои сокровища, чтобы изготовить богатые гробы своему любимому королю. Первый был из чистого золота, в него и положили покойного. Золотой гроб поставили в серебряный, серебряный — в

медный, а последний — в железный. Но никто так и не узнал, где венды похоронили своего последнего короля...» [Neumann, 1998: SaM, № 10]. Эта история, очевидно, существует в нескольких вариантах, один из которых нам удалось записать от крестьянина Йозефа Петгера из д. Конов в Ябельхайде в 2000 г.: «Так рассказывали дети из Каренца. В Кареце есть гора. Это самая высокая гора в округе Людвигслуст, 71 м высотой эта гора. И о ней рассказывают, будто наверху похоронен славянский князь или король — говорят, что король — по имени Ванцка. Ванцка похоронен на этой горе в трех гробах — из дерева, серебра и золота. Говорят, будто так и лежит он там. Я слышал эту историю от детей из Каренца. Должно быть, старики им так рассказали. Большинство людей так и рассказывают, что король Ванцка похоронен там в трех гробах, один в другом — из дерева, серебра и золота. И оттого эта возвышенность называется Ванцеберг — от имени Ванцка. Но люди здесь и не знают этого названия, раньше оно было на картах, но люди совершенно не знали, что это Ванцеберг. Внешне выглядит, как маленький холм, если ехать со стороны Эльдены, то приходится подниматься в гору. Со стороны Калиса, и от Малиса тоже, и даже если от Гребса ехать, тоже дорога идет в гору. Это как такие миниатюрные горы здесь. Но поразительно: еще в начале века у этой горы не было названия» [Приложение 2, № 49].

Предание из области Ростока рассказывает о сокровищах древних насельников крепости Кессин: «Жители крепости сражались с московитами, и король их был убит, немногим удалось спастись из осажденной крепости, а сама цитадель с замком была разграблена врагами. Не нашли московиты только самое ценное — стол из золота и золотого идола бога. Эти сокровища якобы были спрятаны герцогом на дне глубокого колодца. Кроме того, легенда сообщает, будто бы до недавнего времени (1879 г.) жители этих земель *обнаруживали какие-то странные пустоты под замковой площадью*» [курсив наш. — Ю. И.-Б.] [Neumann, 1998: SaM, № 2]. В повествовании прямо не указывается на вендскую этническую принадлежность жителей, но есть косвенный «указатель» — это место действия легенды — Балтийское побережье Мекленбурга, т.е. полабские земли, и главное — топоним Кессин. Именно так называлось наиболее известное городище в земле западно-славянского племени кессинов.

Наиболее часты в этом ряду предания (или различные варианты) о золоте Ретры или о золотом идоле бога Радегаста. Самым полным из доступных вариантов рассказов о ретранских сокровищах является предание «Грапенвердер неподалеку от Пенцилина и что о нем рассказывают», записанное Альбертом Нидерхеффером

от жителя Пенцлина и собирателя А.К.Ф. Крона во второй половине XIX в.: «Возвышенность Грапенвердер под Пенцлином известна своей старой крепостью. С ней связано многое из того, что рассказывали еще наши отцы в стародавние времена, да и многое, что и в наши дни можно пережить. Рассказывают, что на Грапенвердере в те времена, когда Мекленбург населяли венды, стояла большая крепость, и в ней правил князь Вернике, и ему подчинялись все земли в округе. Сам же Вернике был подданным королей Ретры. Там, в Ретре, стоял верховный бог вендов Радегаст, и рассказывают, будто его изваяние было из чистого золота ростом с восемнадцатилетнего юношу, и помещено оно было на толстую колонну из цельного куска золота» [Niederhuffer, 1998, № 135].

Изложение построено на реальных элементах, не противоречащих историческим описаниям, — это подчинение всех славянских крепостей Ретре, упоминание известного по средневековым хроникам идола гипотетического Радегаста. Дальнейшее повествование, по сути, является фольклорным изложением исторических фактов: наступление саксов на славянские земли, христианизация земли вендов, кровопролитные войны и кровавые жертвы язычников, наступление Генриха Льва с его войсками на земли славян. Все события сохранились в народной памяти и оказались органично вплетены в легенды и предания о кладах, события в которых происходили в XIX в.: «Когда пришли войска Генриха Льва, жители Ретры и с ними жрецы Радегаста попытались уйти из Ретры и взяли с собой золотое изваяние бога, чтобы спасти его от христиан. Но не успели венды уйти далеко с ним, и пришлось им захоронить его в болоте, называемом Тренелькопфель, до лучших времен. Но сами люди, дойдя только до Варина, не смогли избежать гибели, так идол и остался лежать в том болоте. Среди прочих сокровищ князя Вернике называют еще колыбель из чистого золота, которую тоже хотели спасти, но повозка, на которой ее везли, опрокинулась и утонула в большом пруду, прямо перед въездом в крепость. О спасении ее не было и речи: пруд был слишком глубок, и многие говорили даже, что у него и вовсе нет дна» [Niederhuffer, 1998, № 135].

Золотые сокровища Ретры и клады, будто бы найденные в XIX в. в разных местах Нойбранденбурга и Нойштрелица (предположительно, именно здесь локализована легендарная Ретра), давали пищу народной фантазии. Это отразилось, с одной стороны, в легендах*. С другой стороны, известен исторический факт:

* См., например, разные варианты легенды о судьбе золотого идола Радегаста из собрания Зигфрида Нойманна: [Neumann, 1998. № 3, 4, 5]; из собрания Карла Баргша: [Bartsch, 1879, № 429]; легенды «Прильвицкие колокола» из собрания Альберта Нидерхеффера: [Niederhuffer, 1998, № 57] и ее вариант из собрания Нойманна под № 6.

в местечке Прильвиц, с которым связано много легенд, в XVII в. местный пастор откопал в своем саду клад — два сосуда с фигурками божков, литыми из серебра и других металлов. В научных кругах того времени находки вызвали сенсацию. Хотя многие авторитетные представители гуманитарного мира считали фигурки подделками, были ученые, отстаивавшие их подлинность. Среди последних, как теперь известно, был словацкий просветитель, видный славист Ян Коллар, посвятивший находкам обширный труд «Боги Ретры» (1852) и считавший, что «это те самые знаменитые ретранские идолы, которые были найдены в Прильвице и сейчас хранятся в Ново-Стрелицах» [Рокина, 1991: 104]. Конечно, справедливо, что к подлинности этих объектов материальной культуры археологи подходят критически, учитывая, что основными оппонентами скептиков в споре о фигурках были, помимо Яна Коллара, братья Вильгельм и Якоб Grimm. Как представители мифологической школы, они доказывали истинность ретранских древностей с позиций мифологии, а не археологии. Правда, не стоит преуменьшать значение факта обнаружения этого клада для устной истории региона: упорные слухи о золотых сокровищах Ретры заставили кого-то поверить в их существование и подвигли на изготовление «ретранских древностей».

Итак, основные мотивы преданий о сокровищах сходны. Во-первых, часто легенды и предания этого ряда повествуют о кладах, имевших отношение к славянам: о золотой колыбели («goldene Wiege»), богатых гробах вендских королей или о сокровищах язычников. Во-вторых, легенды о захороненных сокровищах, как правило, связаны с остатками крепостных валов, замками и горами, расположенными в местах локализации древних городов, и местные жители хорошо знают, где находится заветное место. Практически любому современному жителю известны эти объекты вблизи родной деревни, как известно и то, что они соотносятся с вендским периодом истории края.

Какой бы ни была доля вымысла в этих преданиях, они имеют под собой реальную основу: во-первых, земляные валы, ямы, подземные пустоты и ходы, вокруг которых развиваются события легенд, реально существовали на момент их фиксации и великолепно сохранились до наших дней; во-вторых, археологи неоднократно обнаруживали клады, например, арабские монеты у д. Тюн, Хоэн Вишендорф и Штайнхаузен, расположенных неподалеку от Дорф Мекленбург [Херрман, 1986: 346]. Пожалуй, самой известной находкой было так называемое «золото Хиддензее» — полукилограммовое золотое ожерелье, фибулы, подвески и прочие украшения из золота, датированные второй половиной X в. Сокровище было вынесено на сушу во время шторма с 12 на

13 ноября 1872 г., и до сих пор обстоятельства этой находки до конца не выяснены: оно пролежало около тысячи лет то ли в обломках корабля, потерпевшего кораблекрушение, то ли в некоем укрытии [Херрманн, 1986: 354]. Археологические раскопки на месте славянских захоронений и городищ обнаруживают большое количество утвари и драгоценных украшений. Здесь уместно привести слова из легенды с о. Рюген: «Здесь были в древние времена могилы язычников, а язычники всегда брали много серебра и золота с собой в землю» [Rygen, 1998: 36]. А предание о судьбе золотого идола Радегаста, зафиксированное Карлом Бартшем, сообщает, что в XIX в. искателям приключений вместо золота Ретры удавалось обнаружить монеты, секиры и погребальные урны [Bartsch, 1879, I: 297]. В том же предании в изложении Альберта Нидерхеффера читаем: «На горе Грапенвердер часто пахари находят секиры, древние керамические черепки, некоторые находили даже отдельные древние монеты, которые выдавали за монеты княжеского двора Вернике. Да еще рассказывают про жителя Пенцлина, который обязан своим богатством кладу, найденному им на этой горе. Будто бы он нашел там целый горшок талеров из чистого серебра» [Niederhuffer, 1998, № 135]. Это значит, что предания и легенды о захороненных в земле предметах материальной культуры возникли в устной традиции Северной Германии совсем не беспочвенно, а являются фольклоризацией неких реальных фактов, напрямую связанных с давней историей территории.

Здесь особенно важно то, что, как бы ни относилось к правдоподобности этих историй местное население, участвовавшее в трансляции устных преданий о вендах, еще в середине XIX в. многие местные искатели сокровищ верили в реальность событий и фактов и предпринимали попытки найти сокровища вендов. Так, по преданию, зафиксированному в это время*, место захоронения вендского короля Ванцки «было указано одной ясновидящей, и многие сразу захотели присвоить сокровища. Их искали и местные, и искатели сокровищ, тщетно копая земляной вал в пяти милях на восток от Грабова, но так и не обнаружив. Об этих поисках напоминают сегодня лишь ямы да углубления в близлежащих лесах» [Neumann, 1998: SaM, № 10]. О высохшем болоте, что было раньше прудом, около замка славянского князя Вернике на горе Грапенвердер рассказывали будто и сегодня [середина XIX в. — Ю. И. Б.] там лежит золотая колыбель. Многие хотели добыть этот клад, как и золотой идол Радегаста в болоте Треннелькопфель, но никому пока это не удалось.

* Эти предания были собраны и впервые письменно зафиксированы Карлом Бартшом в 1879 г.

«Он тоже вот уже многие века — желанная цель искателей сокровищ» [Niederhuffer, 1998: № 135]. Следовательно, данные культурные явления воспринимались местными жителями как часть их истории из вендского времени и, будучи таковыми, не вызывали и не вызывают сомнений.

Легенды о славянских кладах. Наиболее детализированно и в наибольшем количестве вариантов легенды о вендских сокровищах представлены в фольклоре о Рюген — быть может, потому, что в народной памяти образ Рюгена сохранился как последний оплот величия полабов. Легенды с о. Рюген, как правило, привязаны к исторически значимым объектам, своеобразным локальным памятным местам: крепостным валам, курганам, могильникам, камням. Местному населению хорошо известно славянское прошлое острова и данных объектов, поэтому легенды представляют интересный материал о фольклоризации событий, сохранившихся в исторической памяти, функционировании фольклора в народном сознании.

Рассмотрим легенды о крепостных валах Рюгена, в частности о крепостном вале, расположенном неподалеку от одного из крупнейших городов острова — Гарца. В IX в. на озере Херта близ Гарца размещалось важнейшее городище руян, или ранов, — рюгенских славян [Херрманн, 1986: 339]. Как сообщал Саксон Грамматик, до XII в. здесь располагалось святилище богов Ругивита, Поревита и Поренута [Schmidt, 1997: 51]. В окрестностях современного Гарца местным жителям хорошо известен сохранившийся до наших дней земляной вал — руины древнего славянского замка, с которыми связаны различные предания и легенды, имеющие сегодня как устное хождение, так и письменную фиксацию. В одной из легенд говорится о необычайном происшествии: «Музыканты, которые однажды должны были проделать путь из Рамбина в Розенгартен, дабы играть на тамошнем празднике урожая, выбрали короткую дорогу через крепостной вал. И вот, когда они зашли за насыпи крепостного вала, им встретились разнообразные торговые лотки и лавки, где щедро угощали и поили. Музыкантов пригласили, и они провели здесь столько времени в развлечениях и танцах, сколько хотели, и даже забыли о празднике урожая, на который спешили. Когда же они, наконец, пришли в Розенгартен, то люди там немало удивились, увидев бородатых старомодных скрипачей и барабанщиков, да и сами жители Розенгартена сильно изменились. Наконец, один старик припомнил, что в городе и вправду ждали музыкантов на праздник урожая, но было это десять лет назад, да и музыканты так и не появились. И как же ошеломлены были музыканты из Рамбина, узнав, что они пробыли в недрах крепо-

стного вала десять лет, а им-то казалось, что всего-навсего несколько часов!» [Rygen, 1998: 31].

Встречается несколько легенд, перекликающихся между собой. Первая повествует о некоем языческом замке, стоявшем когда-то в том месте, где еще видны земляные насыпи крепости. В замке глубоко под землей имелся роскошнейший зал из мрамора и хрусталя, и там неусыпно хранил свои богатства старый вендский король. Другая легенда сообщает о запертой внутри крепостного вала Гарца принцессе, и будто с ней много золота, серебра и сверкающий кубок. Третья посвящена искателю сокровищ, которому удалось добыть в пещере под крепостным валом кубок из чистого золота*. Акценты расставлены на разных объектах и происшествиях, но все легенды связаны с событиями древней истории крепости Гарц. В этом ряду стоит записанная в начале XIX в. Э.М. Арндтом и упомянутая нами легенда под названием «Принцесса Сванвите». Если внимательно рассмотреть все легенды, становится ясно, что это лишь различные варианты одной истории, наиболее полным из которых является последний, кроме того, он имеет массу подробностей и детализированных описаний, которые, по свидетельству литературоведов, были свойственны манере изложения Арндта.

Проанализируем эту легенду. Она относится к жанру легенд о кладях и состоит из двух, на первый взгляд, самостоятельных историй, отделенных друг от друга по времени и месту. По существу, первая содержит начальные композиционные элементы: вводит датировку, локализацию событий и повествует об истории сокровищ и их хранителе. «Некогда в окрестностях Гарца — там, где еще виден крепостной вал, — стоял замок с великолепными домами и храмами, где жили язычники и поклонялись своим богам. Много веков назад замок был захвачен христианами, храмы разрушены, а идолы сожжены. <...> В подвалах разрушенного замка сидел древний седой старик — отец короля Рюгена. Он сидел и стерег свое золото, драгоценные камни и алмазы, которые накопили его предки из королевского рода, горы драгоценностей лежали в просторном роскошном зале из мрамора и хрусталя. Старик не выходил больше из своего подвала, ибо даже самые смелые мужи потеряли отвагу после ужасного нашествия христиан. Он приказал замуровать все входы и выходы, а после разрушения замка камня на камне не осталось, и все двери были засыпаны землей, и никто уже не знал, где спрятаны

* Здесь упомянуты легенды «Хранитель сокровищ гарцской крепости», «Принцесса в недрах крепостного вала Гарца» и «Добытый кубок» из опубликованного в 1998 г. собрания легенд и преданий с о. Рюген [Rygen, 1998: 30–31].

сокровища. Но в недрах замковой горы старик продолжал сидеть над своим богатством» [Rygen, 1998: 32–36].

Эта часть выдержана в духе предания и содержит много реальных элементов и исторических событий: вендское прошлое крепости Гарц, разрушение вендских крепостей христианами, преломление народным сознанием информации о погребениях, предметах материальной культуры славян, возможно, раскопок на крепостном валу и вплетение их в легенду в виде слухов о сокровищах. Эта легенда была записана Эрнстом Моритцем Арндтом в том виде, в каком ее рассказывали на острове во времена его детства — более 200 лет назад! Он ее излагает следующим образом: «Лишь иногда рассказывают, будто по ночам можно видеть призрак статного мужчины с золотой короной *верхом на белом коне*. <...> А то, что в рождественские дни и в Иванов день ночью из озера доносится звон, будто колокола на церкви бьют, так это правда, и многие это слышали, и даже мой отец. Это церковь, которая затонула в озере. Некоторые утверждают, что это старый языческий храм» [курсив наш. — Ю. И. Б.]. Вновь слышны звуки ушедшей с исторической арены культуры, разрушенной христианами и время от времени напоминающей о себе! Вновь упомянут постоянный образ из рюгенских легенд — белый жеребец, который, очевидно, восходит к преданиям о белом коне, посвященном богу рюгенских славян Свантевиту.

Далее Арндт интерпретирует этот феномен: «Но я так не думаю; с чего бы язычники подавали голоса в христианские праздники?» [Rygen, 1998: 32–33]. Прокомментируем это место. Напомним, что многие христианские праздники выросли из важных языческих, коими были поворотные моменты года. Рождество и Иванов день имели особое значение как два диаметрально противоположных периода календарного цикла — самых коротких дней зимнего солнцестояния и самых длинных — летнего солнцестояния; именно в это время, по поверьям, мир духов пересекается с миром людей (ср., например, двенадцать святочных дней Нового года — Сильвестровой ночи — Васильева дня у славян, немцев, народов Балкан; поверья об открывающихся кладах и охранительных обрядах на Иванову ночь).

Вторая часть легенды вводится словами: «Nun begab es sich lange nach diesen Tagen» ('много времени прошло с тех дней') и, соответственно, относится к более позднему времени. Действие этой части привязано к другому месту — г. Берген на Рюгене. Берген, как известно, немецкий топоним, но это лишь калька славянского названия Гора, актуального вплоть до XIII в. Берген в настоящее время — главный город острова. Между тем он имеет долгую, еще славянскую, историю: здесь на горе Ругард —

высшей точке Рюгена — в IX–X вв. находилось еще одно славянское городище, сыгравшее важную роль в истории рюгенских славян. Именно здесь в легенде появляется имя принцессы Сванвите, «дочери короля Рюгена». Далее Э.М. Арндт рассказывает об обстоятельствах сватовства Сванвите, о расстройстве свадьбы, клевете завистливого принца, жестоком наказании принцессы отцом и возвращении Сванвите к нему после многих лет заточения в башне. Чтобы искупить грех и доказать свою невиновность, Сванвите предлагает отправить ее к крепостному валу Гарца, чтобы добыть сокровища старого короля: «Тебе известно предание, — говорит она отцу, — будто под старым крепостным валом в Гарце, *где жили наши языческие предки*, зарыт богатый клад. И это предание, которое я часто слышала в детстве, говорит, будто эти сокровища может достать только принцесса, что ведет свое происхождение от тех старых королей» [Rygen, 1998: 37].

Принцесса Сванвите — то звено, которое связывает обе части легенды: легендарная девушка из рода вендских «королей» с именем, производным от имени самого Свантевита. В легенде в поэтической форме неоднократно подчеркнута, что она потомок славян, именно ей дозволено коснуться славянских сокровищ, жадный и недружелюбный старик приветливо кивает именно ей, она здесь госпожа, как он и ее предки «королевского» рода: «И она оглядела все сверкающие горы драгоценностей в этом просторном зале, которые *долгими веками копили ее предки*, и тут она увидела в углу золотое кресло и сидящего на нем маленького серого человечка, который приветливо кивнул ей, *словно хотел заговорить со своей правнучкой*. Но ничего не ответила она ему, только тихо махнула рукой. И на это приветствие серый дух поднялся и исчез, и на его место пришли богато одетые слуги и встали в почтительном молчании за принцессой, готовые к любому приказанию *своей госпожи*» [курсив наш. — Ю. И.-Б.] [Rygen, 1998: 40].

Заключительные элементы композиции традиционны для немецких легенд о кладах: принцесса нарушила запрет молчания, тотчас же захлопнулись двери, исчезли лестницы, и девушка не смогла выбраться наружу, так и оставшись навеки в подземелье вместе с сокровищами. «Повсюду говорят, что будто бы *принцесса жива еще и сидит под землей* в крепости Гарца, в той кладовой, и вынуждена вместе *со своим древним седьм прадедом* сторожить драгоценности. И никто не может сказать, как это стало известно на земле. Может быть, маленький серый человек, что бродит у крепостного вала по ночам, рассказал <...> И весть о таинственном *исчезновении под землей* принцессы Сванвите об-

летела всех, будто сидит она в темном подземелье и жива, и однажды ее кто-нибудь спасет» [курсив наш. — Ю. И.-Б.] [Rygen, 1998: 41]. Вновь проявляется характерный мотив легенд о славянах: принцесса Сванвите ушла под землю (*ist versunken*), как и легендарные богатые древние города и храмы на земле вендов, и в то же время продолжает жить где-то в недрах славянской крепости, изредка напоминая о себе, как и славянская культура в Северной Германии. И в предыдущей легенде о музыкантах «жизнь», в которую случайно попали путники в стенах вендского крепостного вала, есть отрывок из прошлого, такое же напоминание об исчезнувшей, но не дающей забыть о себе культуре, как и истории о затонувших или погибших городах. Иначе говоря, это фольклорное переосмысление действительной истории острова (Илл. 12, 13).

Легенды Мекленбурга — Передней Померании имели метафорическое значение для осознания угасающим этносом своих роли и места в истории. Географические легенды отразили процесс борьбы ассимилирующего немецкого этноса и его официальной христианской религии с язычеством ассимилируемого славянского населения в форме переосмысления старых культов. Данные легенд о вендах, их сокровищах и погибших городах, с одной стороны — отражение реальной истории заката языческих городских поселений вендов и исчезновения славянополабской этнической общности с этнополитической карты Северной Германии; с другой — это неосознанное признание сохранения вендов в немецкоязычной среде.